

References

1. Assmann J. (2004) Kul'turnaya pamyat'. Pismo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory. Letter, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity], per. s nem. Sokolskoyu, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 368 p.
2. Bondarevs'ka I. (2013) Istorychna pamyat' i zabuvannya [Historical memory and forgetting] *Filosofska dumka*, # 6, pp. 18–21.
3. Borkhes Kh.-L. (1992) Funes, chudo pamyaty [Funes, the miracle of memory] Borkhes Kh.-L. Kolleksiya: Rasskazy, Esse; Stykhotvorenyya, SPg, Severo-Zapad, pp. 165–166.
4. Homer (2006). Iliada [Iliad]; per. B. Tena [Elektronnyy resurs. Rezhym dostupu: http://ae-lib.org.ua/texts/homer_iliad_ua.htm].
5. Homer (2008). Odisseya [Odyssey], per. iz starohretskoyi, prymitky, slovnyk imen i nazv B. Tena ; peredmovy K. S. Zabaryla, *Kharkiv*, Folio, 574 p.
6. Kebuladze V. (2013) Pamyat' i zabuttya [Memory and oblivion] *Filosofs'ka dumka*, #6, pp. 29–35.
7. Ketsal'koat' (2010) [Quetzalcoatl] *Entsyklopedyya myfolohyy* [Elektronnyy resurs. Rezhym dostupu: <http://godsby.ru/maya/quetzalcoatl.html>].
8. Kusturitsa E (2014). Smert' – neperevirena chutka [Death is an unconfirmed rumor], per. K. Kalytko, *Kiev*, Tempora, 392 p.
9. Malyavyn V.V. (1995) Mudrost' «bezumnykh rechey» [Wisdom of “crazy things”], *Chzhuan-tszy. Le-tszy*, Moscow, Mysl', pp. 3–56.
10. Myd M. (1988) Kul'tura y myr det-stva. Yzbrannye proyvedenyya [Culture and the world of childhood. Selected Works], Per. s anhl., Moscow, Nauka, Hlavnaya redaktsyya vostochnoy lyteratury, 429 p.
11. Nytsshe F (1990). O pol'ze y vrede ystoryy [About the Benefit and the Pain of History] *Sochynenyya v 2 t., v. 1*, Moscow, Mysl', pp. 158–230.
12. Platon (1999). Fedr [Fedr], *Dialohy*, per. z davn'ohr, Kiev, Osnovy, pp. 293–339.
13. Plotyn (2010). 4 Eneada [4 Ennead] [Elektronnyy resurs. Rezhym dostupu: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/plotin/0/j22.html].
14. Chzhuan-tszy. Le-tszy (1995) [Zhuang-tzu Le Tzu], per. s kit, Moscow, Mysl', 439 p.
15. Enky y Nynmakh (2012) [Enki and Ninmah], *Shumero-akkadskaya myfolohyya* [Elektronnyy resurs. Rezhym dostupu: http://world-of-legends.su/shumers/shumers_mith/id495].

Стаття надійшла до редакції 10.09.2017.

Стаття прийнята 4.10.2017.

УДК: 141.332:215:159.923

Виктория Куценко

**ПАМЯТЬ СМЕРТНАЯ КАК ОСНОВА
АСКЕТИЧЕСКОГО ПОДВИГА**

Статья посвящена анализу феномена памяти смертной в православной аскетике. Память о смерти хранит уникальный духовный опыт, является основой аскетического подвига и основным условием вхождения в аскетический подвиг. Она ставит подвижника в состояние активной духовной практики борьбы с грехом, основанной на новой теоцентрической модели общения, в переустройстве внутреннего мира, опытом себя, и Бога, и себя в Боге.

Ключевые слова: аскетика, память о смерти, исихазм, православная аскетика, грех, покаяние, подвиг, эсхатология.

Память одна из фундаментальных проблем философии, имеющая глубокие корни в философской традиции. Такой удивительный феномен как память еще с античных времен интересовал философию, большое внимание ему уделяли Платон, Августин, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Ф. Ницше. Существуют различные способы концептуализации присутствия прошлого в настоящем. Память анализируется как «искусство» запоминания, культурная практика человека или культура вообще, природная способность человека, как способ сохранения собственной идентичности. Эвристический потенциал концепта памяти становится темой memory studies, где разносторонне исследуется социальное измерение памяти. Но современное изучение памяти не может быть продуктивным и обстоятельным, если оно будет игнорировать богословское осмысление памяти. Богословское видение памяти концентрирует внимание на опыте переживания отношений человека и Бога, включает интерсубъективный и коммуникативный аспекты духовной деятельности человека. Рефлексия этого опыта открывает новые исследовательские возможности в современной философии, по крайней мере, в двух направлениях: 1) относительно роли прошлого в настоящем; 2) относительно творческой роли индивида по отношению к прошлому. Дискуссии по этим вопросам разворачиваются вокруг понимания традиции. Сторонники рационалистического идеала Просвещения (И. Кант, К. Маркс, М. Вебер) рассматривают традицию как то, что ограничивает свободу индивида, его самостоятельное мышление и возможности социальных изменений. Против дискредитации традиции выступали Дж. Вико, Дж. Г. Мид, Ч. Тейлор. Сегодня получают распространение конструктивистские трактовки традиции. Это обусловлено тем, что в современном обществе традиция индивидуализируется, подбирается для

себя, воспринимается как форма выбора своего способа бытия в мире. Относительно творческой роли индивида по отношению к прошлому спор ведут, с одной стороны, сторонники Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, настаивающие на принудительной роли социальной общности, навязывающей индивиду определенную память. С другой – сторонники Августина, Ч. Тейлора и «гуманистической социологии» (Ф. Знанецкий, Э. Шилз, Э. Гидденс) подчеркивают роль и значение индивидуального выбора и субъективной интенции в конструировании наследия.

Основной целью данной статьи является попытка рассмотреть «память о смерти» в контексте духовных аскетических практик. Для этого нам надо решить следующие задачи: проанализировать способы концептуализации «памяти о смерти» в богословии; рассмотреть «память о смерти» в мистико-аскетической традиции православия как опытную установку борьбы с грехом. Учитывая обозначенный исследовательский интерес, следует остановиться на интерпретации «памяти о смерти» в Священном Писании, а также святоотеческой литературе. Конкретно для анализа привлечены тексты св. Игнатия Брянчанинова, св. Симеона Нового Богослова, Св. Исаака Сирина, Силуана Афонского; современных богословов: о. Софрония Сахарова, о. Думитру Станоилоэ, С. Хоружего.

Рефлексия аскетического опыта – неотъемлемая составляющая любой религиозной традиции, так как все религиозные учения включают аскетическую практику как средство духовно-нравственного очищения, а также преобразования повседневной деятельности. Обоснование и детали этой практики могут быть различными. В последнее время аскеза привлекает внимание философов, которых аскетика привлекает, прежде всего, тем, что включает практики и опыт, с помощью которых человек приобретает способность производить в себе изменения. По умолчанию принимается, что цель аскезы – духовное возвышение и нравственное совершенствование личности. Та или иная аскетическая традиция выдвигает определенную систему требований к человеку, в соответствии с которыми он должен осуществлять радикальное преобразование своего бытия, занять новую позицию в мире и установить новые отношения с социумом. Аскеза раскрывает в человеке способность трансформировать окружающий мир, человек в аскезе рассматривается как центр преобразования себя и социума.

Надо иметь в виду, что в религиозных традициях аскетические подвиги без необходимого умонастроения, внутренней обращенности к высшему (Божеству) не имеют духовного и этического значения. Важен не столько аскетический идеал (идеалы), сколько трансформация человека, осуществленная под его влиянием.

Мы предлагаем рассматривать аскезику как результат опыта регуляции кризисных состояний. Она располагает теми «приборами», которыми не располагает современная наука и с помощью которых измеряется духовная составляющая. Здесь заложен передаточный механизм опыта человеческой деятельности, она предстает как система приемов трансляции традиций.

Всякая аскеза является определенной антропологической, духовной практикой, в которой человек испытывает пределы своего естества, ставит себя перед последними рубежами своего существования. В таких практиках всегда возникают тесные и глубокие отношения со смертью, как главным из всех рубежей, окончательной границей существования.

Священное Писание Ветхого Завета говорит: «поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши» [Сирах. 7:39]. «Память о смерти» является важным аспектом подвижничества. Речь идет об основной аскетической практике, состоящей в том, что человек постоянно помнит, что он смертен и его смерть может наступить в любое мгновение. «Память о смерти» неоднократно упоминается и в Новом Завете, она должна помочь человеку не тратить зря драгоценное для спасения время, по словам ап. Павла «дорожа временем, потому что дни лукавы» [Еф 5, 16].

Это состояние, возникшее уже у ранних отцов-пустынников и затем находимое почти у всех исихастских учителей, относят к начальным ступеням аскетического пути. Вступая в монашеский подвиг, иноки тщательно возделывали эту часть умственного подвига. Без постоянного памятования о смерти и суде Божиим они признавали опасным самый возвышенный подвиг, как могущий дать повод к сомнению. Святой Исаак Сирийский говорит: «Кто достойно именуется разумным? Тот, кто действительно уразумел, что есть предел сей жизни; тот может положить предел своим согрешениям» [2, с. 650]. Аскетический путь подвижника приобретает особое танатоцентрическое измерение, в котором изменяются отношения человека со своей кончиной и с Богом. Согласно христианскому учению, «память о смерти» оставлена Богом в сознании каждого живого человека для того, чтобы бороться с грехом, являющимся причиной смерти: «Божественная сила, содействующая человеку, когда восхощет явить в нем живот, полагает в нем эту мысль в основание... Если человек не угасит ее житейскими заботами и суесловием, но возрастит в безмолвии, углубляясь в себя и занимаясь ею, то она поведет его к глубокому видению, невыразимому словом...ибо ум его не остается уже более в стране обольщения», – пишет св. Игнатий Брянчанинов [1, с. 182].

«Память о смерти» по своей роли в аскетическом подвиге близка к страху Божию. Страх Божий – одна из главных категорий ветхозаветной религиозности, и аскетика принимает из псалмов, что «началом

премудрости Божией есть страх Господень», утверждает пророк Давид [Пс.110:10]. «Начало истинной жизни в человеке – страх Божий», – подтверждает Исаак Сирий. Перед нами неожиданное сближение страха Божия с мудростью, памяти смертной с мудростью.

Премудрость в Ветхом и Новом Заветах трактуется как начало «умопремены» или покаяния. Поэтому страх Божий также рассматривается как способ обнаружения греха и борьбы с ним. Учение о грехе в христианстве – это совокупность особых знаний о человеческой природе. Это комплекс идей, способных идентифицировать грех, с которым подвижник связывает возможность избавиться от страстей. В широком смысле учение о грехе отразило в себе христианское понимание пути человека к совершенству и к Богу. Мудрость христианина определяется страхом Божиим и призывает к действию, к активной и динамической установке в жизни. В книге Премудрости Соломона [1:13] сказано: «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих». Человек не был создан для смерти, в него была вложена возможность бессмертия. Но эта возможность не была использована, что и произошло в первородном грехе. Смерть определила конечность здешнего бытия, его поврежденность и порчу, удаления от Бога: «конечность здешнего бытия, воспринятая как его внутренняя поврежденность, гнездящаяся повсюду порча или болезнь, именуется греховностью» [6]. Смерть явилась следствием греха: «похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» [Иак 1:15]. Следовательно, смерть как следствие греха привносит разрыв в отношениях человека и Бога.

Грех стал болезненной частью человеческой природы (VI Вселенский собор 102 правилом определяет грех как болезнь души). По словам св. Феофана Затворника человек согрешил тем, что перенес центр своей жизни и деятельности с Бога на самого себя. Благодаря наделенной свободной воле человек может стремиться к единению с Богом добровольно, а может замкнуться в своем собственном естестве, самолюбиво обособляя себя от Бога, что и есть грех. Во грехе человек теряет способность меняться. «Память о смерти» ставит в центр духовной жизни тему борьбы с грехом, в которой человек обретает способность меняться изнутри. Само же понятие греха существует лишь там, где отношения между Богом и человеком принимают чисто личностный характер. Иначе грех остается только в интеллектуальном представлении о той или иной ступени совершенства. Со временем грех становится страстью. Отцы-аскеты, не разграничивали строго эти два понятия. Часто термин «грех» ставили вместо другого – «страсть». Если грех есть обнаружение «извращенной воли», то страсть – «болезненной воли». Страстное состояние аскетика

считает и именуется «противоестественным». Главное в страстном состоянии то, что человек теряет способность к изменению.

Памятование о смерти ставит задачу борьбы с грехом и страстями. «Кто приобрел памятование смерти, тот никогда не может согрешить», – эта мысль варьируется всеми аскетическими авторами, начиная с пр. Антония. Борьба же, напротив, означает духовно-душевную активизацию, динамику, которая приводит к покаянию. «Память о смерти» становится некой динамичной установкой, требующей активности и ответственности по отношению к себе, к своей природе, бытию. Поэтому следующей реакцией сознания на память о смерти является покаяние. Суть покаяния – изменение, «переплавление», внутренняя (и не только внутренняя) перемена человека, буквально «умопремена». Цель покаяния – «свергнуть с себя бремя грехов» и страстности.

Покаяние стремится именно к тому, чтобы больше не грешить, чтобы избавиться от страсти. «Без познания греха истинное покаяние не бывает, как без познания болезни исцеления не бывает», – пишет св. Тихон Задонский [5, с. 193]. В покаянии возникает конфликт с собою, происходит ломка себя. Это острое и сложное, драматическое столкновение со своим «Я» лучше всего передает литургическая аскетика в Великом Покаянном Каноне св. Андрею Критскому. В покаянии человек пробуждается и активизируется, завязывает «личные отношения» с Богом и на их основе начинает формировать представление об особом «личностном» характере человеческого существования. Покаяние, по учению исихастов, – это Духовные Врата: когда человек достигает в нем крайнего предела, пред ним отверзается новая жизнь, он обретает способность продвигаться к восхождению и единению с Богом.

В покаянии рождается установка и процесс Подвига. Главное здесь – метанойя, как умопремена: установка перевода сознания в новую глобальную стратегию. Преодоление конечности или смертности в обожении рассматривается в православной традиции как исполнение тварного бытия. Памяти смертной присуще фундаментальное стремление к преодолению смерти и это происходит в подвиге, который основывается на новой тео-центрической модели общения, в тонком переустройстве внутреннего мира, опытом себя, и Бога, и себя в Боге. Преодоление смерти как завершение борьбы с грехом является исполнением пути спасения, «последний враг истребится – смерть».

Аскетическая традиция говорит о двух смертях, образующих антиномическое единство: побежденная и побеждающая. Один из современных учителей исихастской традиции о. Думитру Станилоэ так объясняет различие этих смертей: «Существует, в действительности, две

смерти: первая порождается грехом и представляет собою смерть нашего естества. Вторая же – смерть, подобная смерти Христа, которая есть смерть греха и смерти, им порожденной» [7, р. 24] Изменить характер смерти из побежденной в побеждающую помогает память о смерти, которая и сподвигает к духовному труду и подвигу. О. Думитру Станилоаэ продолжает: «Смерть нашего естества, производимая грехом, не приходит лишь в финальный момент, скорее она подтачивает как червь в течение долгого времени. Также и смерть смерти, смерть греха, это не что-то моментальное, она должна подготавливаться путем долгого аскетического умерщвления. Подвижничество – постепенное уничтожение яда, что ведет к разложению, тлению. Оно уничтожает болезнь, которая убивает наше естество... Подвижничество – животворящее умерщвление, как назвал его св. Симеон Новый Богослов» [7, р. 25].

Известный аскет-исихаст архим. Софроний Сахаров принципиально останавливается на раскрытии понятия претворения смерти побежденной в смерть побеждающую, а также значении смертной памяти для подвижнической жизни. «Благодать смертной памяти» – так названа первая глава книги «Видеть Бога как Он есть». Книга целиком составлена как описание личного духовного подвига старца. Опыт памяти смертной был выражен у него с особой яркостью. С одной стороны, ему не чужды чисто человеческие переживания смерти, он так же, как и все люди переживал ее отрицательные проявления: обреченности, тления, мрачной бездны: «Со мною умирает все то, что было охвачено моим сознанием: близкие люди, их страдания и любовь, весь исторический прогресс, вся Земля вообще, и солнце, и звезды, и беспредельное пространство; и даже Сам Творец Мира, и Тот умирает во мне; все вообще поглощается» [3, с. 9–10].

С другой стороны, по его мнению, опыт памяти о смерти дает опыт подвига, становится положительным двигателем, возводящим к высшим ступеням опыта Богообщения: «Смертная память, – пишет он, – есть особое состояние нашего духа, совсем непохожее на всем нам свойственное знание, что в какой-то день мы умрем... Память смертная дает нам опыт бесстрастия, Она пресекает действие страстей и тем полагает начало коренной перемене всей нашей жизнедеятельности и характера восприятия всех вещей. Тот факт, что она дает переживать смерть нашу как конец всего мироздания, подтверждает данное нам Откровение о том, что человек есть образ Бога, и как таковой он способен вместить в себя и Бога, и сотворенный космос. И это есть начало конкретизации в нас ипостасного принципа. Сей опыт приготавливает наш дух к более реальному восприятию христианского Откровения и тому богословию, в основе которого лежит опыт иного бытия» [3, с. 11].

Согласно о. Софронию, опыт подвига, такая смертная память есть «благодатный дар», «форма благодати». «Благодать смертной памяти», согласно о. Софронию, имеет глубоко кенотическую природу, и в свете нее аскетический путь, «пройденный «тесный» путь предстает как уподобление Источанию Христа» [3, с. 15]. Эта благодатная смертная память христоцентрична и личностна, она раскрывает человеку возможность приобщения Божественному ипостасному бытию и в столь особом опыте, как опыт отношений со смертью.

Этот опыт трагичен. Но если он становится христоцентрическим опытом, то, как говорит Софроний, «мы достигаем того, чтобы сделать Его победу над смертью – нашей, и смерть наша имеет претвориться в смерть, побеждающую смерть. В этом претворении, означаемом приобщением наше пасхальному торжеству Воскресения, личная судьба соприкасается с конечной судьбой всей твари, приобретает эсхатологическое измерение» [3, с. 16]. Память о смерти делает аскетический подвиг эсхатологичным. Поэтому «благодать смертной памяти» является одним из благодатных плодов подвига, считает отец Софроний. В книге «Старец Силуан» он пишет: «Доколе человек не достигнет своего во Христе воскресения, доколе в нем все искажено страхом смерти, а следовательно, и рабством греха» [4, с. 98]. Эти слова старца могут служить руководством для понимания эсхатологии православной аскезы. «Воскресение человека во Христе» изгоняет страх смерти, а аскетический опыт переживания смерти становится опытом христоцентрических отношений.

Таким образом, «память о смерти» является основой аскетического подвига и основным условием вхождения в аскетический подвиг. Она приводит подвижника в состояние активной духовной практики борьбы с грехом. Борьба с грехом позволяет человеку обрести способность к изменению. «Память о смерти» включена в обширную иконономию православного покаяния. Она усиливает покаяние как активную и динамическую установку в жизни, способную избавить от страстей. Сутью покаяния является перемена человека, буквально «умопремена», перевод сознания в новую стратегию жизни, где происходит драматическое столкновение со своим «Я», завязываются личностные отношения с Богом, основывающиеся на новой тео-центрической модели общения, в тонком переустройстве внутреннего мира, опытом себя, и Бога, и себя в Боге. Память о смерти глубоко эсхатологична и христоцентрична по своей природе, она дает возможность приобщения Божественному ипостасному бытию.

Список использованной литературы

1. Игнатий Брянчанинов, святитель. Аскетическая проповедь // Слово о смерти.– М.: Правило веры, 1991.– 542 с.
2. Исаак Сирин, преподобный. Подвижнические наставления // Добротолубие.– Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1999.– Т. 2.– 760 с.
3. Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть.– Эссекс: Монастырь св. Иоанна Предтечи, 1985.– 255 с.
4. Софроний (Сахаров), архимандрит. Старец Силуан Афонский.– Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1999.– 464 с.
5. Тихон Задонский, святитель. Об истинном христианстве // Творения.– Кн. X.– СПб., 1908.– 193 с.
6. Хоружий С. К феноменологии аскезы. Память смертная // Режим доступа: https://azbyka.ru/k_fenomenologii_askezy#05b_64
7. Dumitru S. Orthodox spirituality.– St Tikhon's Seminary Press, South Canaan, Pennsylvania 2002.– 397 p.

Викторія Куценко**ПАМ'ЯТЬ СМЕРТНА ЯК ОСНОВА АСКЕТИЧНОГО ПОДВИГУ**

Стаття присвячена аналізу феномена пам'яті смертної в православній аскетичній. Пам'ять про смерть зберігає унікальний духовний досвід, є основою аскетичного подвигу і основною умовою входження в аскетичний подвиг. Вона ставить подвижника в стан активної духовної практики боротьби з гріхом, заснованої на новій тео-центричній моделі спілкування, в перебудові внутрішнього світу, досвідом себе, і Бога, і себе в Бозі.

Ключові слова: аскетика, пам'ять про смерть, ісихазм, православна аскетика, гріх, покаєння, подвиг, есхатологія.

Viktoria Kutsenko**THE MEMORY OF DEATH AS THE BASIS OF ASCETIC DEEDS**

Memory is one of the fundamental problems of philosophy, which has deep roots in the philosophical tradition. Such a complex and surprising phenomenon as memory from the ancient times was interested in philosophy, Plato, Augustine, T. Hobbes, Jean-Jacques Rousseau, I. Kant, F. Nietzsche paid much attention to it. There are various ways of conceptualizing the presence of the past in the present. Memory is analyzed as the "art" of remembering, the cultural practice of man or culture in general, the natural ability of man, as a way of preserving one's own identity. The heuristic potential of the concept of memory becomes the theme of memory studies, where the social dimension of memory is studied in various ways. But the modern study of memory can not be productive and thorough if it ignores the theological interpretation of memory. The theological vision of memory concentrates on

the experience of experiencing the relationship between man and God, includes the intersubjective and communicative aspects of man's spiritual activity. Reflection of this experience opens up new research opportunities in modern philosophy, at least in two ways: 1) regarding the role of the past in the present; 2) regarding the creative role of the individual in relation to the past.

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of memory of the death in Orthodox asceticism. The memory of death keeps a unique spiritual experience, is the basis of the ascetic feat and the main condition for entering the ascetic feat. It places the ascetic in the state of active spiritual practice of fighting against sin, based on a new theocentric model of communication, in the subtle reorganization of the inner world, the experience of oneself, and God, and oneself in God.

Keywords: asceticism, memory of death, hesychasm, Orthodox asceticism, sin, repentance, feat, eschatology.

Referances

1. Ignatius Brianchaninov, sviatitel (1991) Askeicheskaya propoved. Slovo o smerti [Ascetic homily. The word of death], Moscow, Pravilo very, 542 p.
2. Isaak Sirin, prepodobnyy (1999) Podvizhnicheskiye nastavleniya [Selfless instruction]. Dobrotolyubiye, t. 2, Sergiev Posad, Sviato-Troitskaia Sergieva lavra, 760 p.
3. Sofronii (Saharov), arhimandrit (1985) Videt Boga kak On est [Seeing God as He Is], Esseks, Monastery of St. John the Forerunner, 255 p.
4. Sofronii (Saharov), arhimandrit (1999) Starets Siluan Afonskii [Father Siluan Afonskiy], Sergiev Posad, Sviato-Troitskaia Sergieva lavra, 464 p.
5. Tihon Zadonskii, Sviatitel (1908) Ob istinnom hristianstve [About true Christianity], Tvorenia. t. 10, St. Petersburg, 193 p.
6. Horyji S. K feminalogii askezy. Pamiat smertnaia [On phenomenology of ascetics], https://azbyka.ru/k_fenomenologii_askezy#05b_64
7. Dumitru S. (2002) Orthodox spirituality, St Tikhon's Seminary Press, South Canaan, Pennsylvania, 397 p.

Стаття надійшла до редакції 10.07.2017.

Стаття прийнята 4.08.2017.